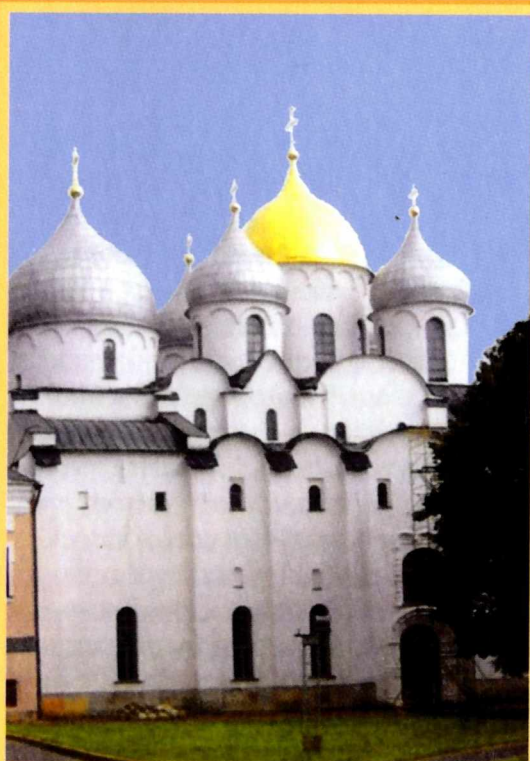
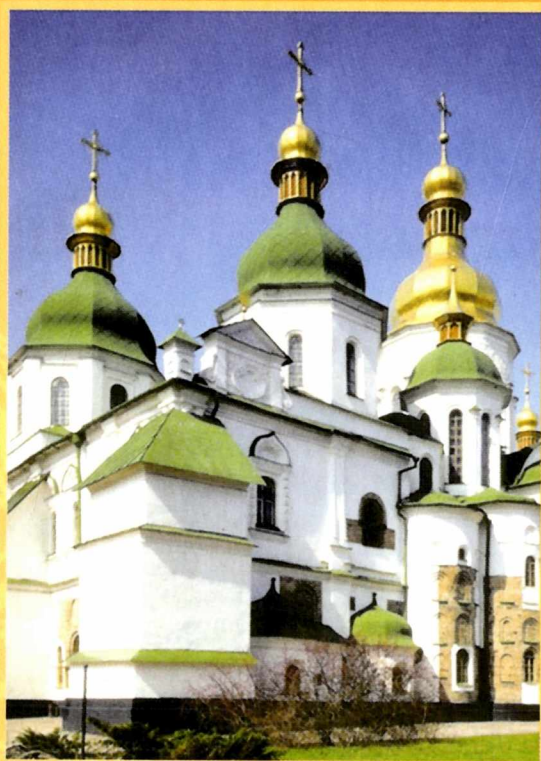

ББК
63
Т 525

П.П. Толочко

Киев и Новгород в X–XIII вв.

П.П. Толочко

Киев и Новгород в X–XIII вв.

Исторические очерки

Москва
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
2024

УДК 94(477)

ББК 63.3(2)

Т-525

ISBN 978-5-98854-083-0

Печатается в соответствии с особенностями авторской орфографии

Толочко, Петр Петрович.

Т-525 Киев и Новгород в X–XIII вв. : Исторические очерки / Петр Толочко. — Москва : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2024. — 256 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-083-0

В книге — история двух древнейших городов Руси X–XIII вв., Киева и Новгорода, которые стояли у истоков восточнославянской государственности и являлись ее важнейшими средоточиями. Вплоть до 40-х годов XIII в. они представляли собой общединастическое наследие всего правящего княжеского рода Рюриковичей и не выделялись в наследственные вотчины отдельных его семей. Автор не разделяет утвердившееся в отечественной историографии предубеждение об особом историческом пути Новгорода, характеризовавшемся республиканской формой правления. Письменные источники показывают, что новгородская властная система ничем не отличалась от киевской. Все ее институты: князь, вече, дума, посадник, тысяцкий, воевода, тиун и др. — были киевскими по происхождению и содержанию. Новгород в своем развитии определенно характеризовался общедревнерусскими закономерностями, присущими Киеву и другим центрам Руси.

554046

УДК 94(477)

ББК 63.3(2)

Автор посвящает это исследование 100-летию
Национальной академии наук Украины

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
1. Киев и Новгород в первые века русской государственности	12
2. Княжеская и посадская власти в Новгороде в XII – XIII вв.	40
3. Новгородские тысяцкие.....	70
4. О новгородских «вольностях в князьях»	80
5. О «выселении» новгородских князей на Городище	100
6. Политические и церковные связи Киева и Новгорода	107
7. Экономические связи Киева и Новгорода	124
8. О печатях протопроедра Евстафия	140
9. О языке новгородцев и киевлян	159
10. Киевские истоки и традиции новгородского летописания XI – XIII вв.	173
11. Любечская битва в киевском и новгородском летописании	195
12. Михаил Черниговский	209
13. Ярослав Всеволодович	222
14. Александр Невский	240
Заключение	254

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема «Киев и Новгород X – XIII вв.» интересовала автора в продолжении всей научной деятельности. Прежде всего, потому, что оба города занимали особое место в истории Руси. На раннем этапе восточнославянского государства они и были этой самой Русью. При взгляде на карту нетрудно убедиться, что Киев и Новгород располагались на противоположных окраинах восточнославянского мира. Однако учитывая, что между ними находился знаменитый торговый путь «Из Варяг в Греки» или, как он еще назывался в летописи «От Грек», являвшийся одновременно экономической и территориальной осью ранней Руси, местоположение обоих городов стратегически было безупречным. Новгород контролировал выход в Балтийское море, а Киев – в Черное. Они органически зависели друг от друга, и жизнь требовала, чтобы находились, выражаясь фигурально, в одних руках.

Вплоть до конца 30-х годов XII в. так оно и было. На первых порах киевские князья держали в Новгороде своих посадников, которые в политическом отношении являлись их продолжением. Позже, начиная со времен киевского княжения Святослава, в Новгород отсылались сыновья великих киевских князей, которые также фактически исполняли роль посадников. В бурное время так называемой феодальной раздробленности политическое двуединство Киева и Новгорода становится менее выраженным, хотя и теперь судьба новгородского стола нередко зависела от судьбы киевского. К тому же оба города поддерживали между собой тесные экономические и духовные отношения.

При знакомстве с отечественной историографией, нетрудно заметить, что одним из главных вопросов, который она со времен Н.М. Карамзина пыталась разрешить, был: когда же распалась Киевская Русь? Можно сказать, это наш отечественный эксклюзив. Историки Польши, Венгрии, Германии, Франции и других европейских стран, строй власти которых в средневековье ничем не отличался от древнерусского, такой проблемой никогда не озабочивались.

Здесь нет места для подробного анализа выводов историков, да и особой необходимости тоже, поскольку он осуществлен мной ранее. Следует только напомнить, что рубежами этого «распада» определены различные даты: 1054 г. (год смерти

Ярослава Мудрого); 1097 г. (год проведения Любечского княжеского съезда); 1132 г. (год смерти Мстислава Великого); 1169 г. (год взятия Киева войсками союзников Андрея Боголюбского); начало XIII в., когда, согласно В.О. Ключевскому, Киев и Киевщина уступают свое место Суздальщине и ее столице Владимиру.

Объяснение столь настойчивого поиска отечественными историками времени распада Руси, по-видимому, кроется в том, что, будучи воспитанными в традициях русского абсолютизма и советского централизма, они пытались найти нечто похожее и в средневековье, не отдавая себе отчета в том, что там государство было принципиально иным. Тем более Русь, возглавлявшаяся и управлявшаяся единым княжеским родом.

Конечно, лучшего аргумента в пользу единства Руси, чем предложенная множественность дат, и придумать невозможно. Она – бесспорное свидетельство того, что историки, мучившиеся проблемой «распада», так и не нашли для него объективных критериев. Не нашли потому, что их не было в реальной жизни. Распри между князьями и неповиновения младших старшим, в том числе, и великим киевским, не являлись особенностью какого-либо исторического этапа, но были характерной чертой строя древнерусской власти и административно-территориальной структуры с X по XIII вв.

Нечто похожее имеет место и в исследованиях древнего Новгорода. Правда, без отмеченного выше разномыслия. Все историки единодушны, что после 1136 г. Новгород становится боярской республикой, чего не было ни в одной другой древнерусской земле, и окончательно отделяется от Киева. С этого времени высшим органом власти в Новгороде становится вече, которое избирает князей и посадников, вводит так называемый местной суд (князя и посадника) и даже выбирает новгородских архиепископов. Последняя властная функция веча, появившаяся будто бы в 1156 г., лишила киевского князя возможности вмешиваться в дела республики¹. По мнению многолетнего исследователя археологии и истории древнего Новгорода и, бесспорно, лучшего их знатока В.Л. Янина, главным институтом правления Новгородского государства периода его независимости было посадничество, и не случайно его судьбы стояли в центре внимания летописных рассказов о политической борьбе².

¹ Лаушкин А.В. Первое столетие раздробленности // История России с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2010. – С. 88.

² Янин В.Л. Новгородские посадники. – М., 2003. – С. 17.

В исторической литературе высказаны и более радикальные взгляды на политический строй Новгорода после 1136 г., в котором князь оказался чисто номинальной фигурой. Его экономический и правовой статус уже при избрании был будто бы ограничен вечем и определялся предварительно заключенными договорами, со второй трети XII в. в устной форме, а с XIII в. – в письменной³. Доказать это нечем. В летописи не зафиксировано ни одного случая, когда бы новгородцы избирали себе князя, как нет и свидетельств, что эти избрания конституировались какими-то договорами. Пусть даже и устными.

Вплоть до конца XII – начала XIII вв. князья присягают на «грамотах Ярославлих», то есть княжеских, но не городских. Ссылки на договоры 60-70-х годов XIII в. здесь вряд ли корректны. К тому же, в них нигде не сказано, что участие посадника в нормотворческой юридической практике князей имело место и в домонгольское время. Известно, что в грамоте Святослава Ольговича, определявшей экономическое положение Софии Новгородской, нет указания не только на участие в ее составлении посадника, но даже и на его присутствие. А ведь она была дана тогда, когда, по общепринятому мнению, в Новгороде восторжествовали республиканские порядки.

Если бы статус новгородского княжеского стола действительно был столь бесправным, как его представляют историки, вряд ли бы он вызывал столь вожделенный интерес со стороны Киева, а затем и Владимира-на-Клязьме.

Определенно, в подобных утверждениях присутствует большая доля преувеличения. Конечно, Новгород X – XIII вв. обладал рядом особенностей, которые отличали его от других древнерусских центров. Главным образом, в XII – первых десятилетиях XIII вв. Но они не были настолько разительны, чтобы можно было вычленить Новгородскую землю из общего потока древнерусской государственной истории. По существу, в новгородской политической жизни не было ничего такого, чего бы не знали другие княжества Руси. Вся правящая номенклатура Новгорода – князь, посадник, воевода, тысяцкий, тиун, вече, дума и др. – была в точности такой, как в Киеве, Галиче или Владимире-на-Клязьме.⁴

³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Т. 1. – М., Л., 1948. – С. 252-259; Сverdlov M.B. Домонгольская Русь. СПб. 2003. – С. 598.

⁴ Толочко П.П. Власть в Древней Руси X-XIII вв. СПб. 2011.

Одинаковыми были и социальные условия жизни, взрывавшиеся нередко боярско-княжескими противостояниями и общегородскими мятежами. При всем желании невозможно найти сколько-нибудь существенных различий между событиями 1136 г. в Новгороде и 1068 г. в Киеве. В обоих случаях мятежи были вызваны недовольством горожан князем, в Новгороде – Всеволодом Мстиславичем, в Киеве – Изяславом Ярославичем. И там, и там все происходило от имени веча. Одинаковыми были и результаты: из Новгорода был удален Всеволод, а из Киева – Изяслав. Небольшое отличие названных событий заключалось только в том, что киевляне заменили вакантный княжеский стол сами (Всеславом Полоцким), а новгородцы ожидали, когда им пришлют нового князя из Южной Руси (Святослава Ольговича).

По существу, нечем обосновать и тезис о новгородской независимости после «революции» 1136 г. В этом утверждении понятен только адресат. Независимость от Киева. Что касается содержания этой независимости и форм ее проявления, то кроме так называемой выборности новгородских князей, ничего более существенного предложено не было. Да и с выборностью, облеченной в формулу «вольности в князьях», не все так однозначно. В летописи нет ни одного примера, когда бы новгородцы на вече избирали себе князя. Очевидно, их не было и в жизни. Они могли отказать князю в доверии и показать ему путь от себя, то есть изгнать. Но в этом ничего специфически новгородского не было. Киевляне также неоднократно отказывали князьям в доверии (как галичане и владимиристо-суздальцы) и также показывали им путь от себя.

В отличие от историков, древние новгородцы не мучились проблемой независимости. Они хорошо отдавали себе отчет в том, что Новгород и Новгородская земля являются частью большой страны, государственный суверенитет над которой принадлежит единому княжескому роду. Убедительным свидетельством этому является летописный рассказ 1200 г. о просьбе новгородцев к Всеволоду Юрьевичу прислать им на княжения сына. Лучшие мужи новгородские аргументируют ее тем, что Новгород «тобѣ отчина и дѣдина». Своей родовой вотчиной считали Новгород и киевские князья из семейства Мономаховичей. Когда в 1178 г. Мстислав Ростиславич, на предложение занять новгородский стол, заявил, что не хочет идти из Русской земли – «изъ отчины своеѣ», его братья возразили ему тем, что Новгород тоже

их общая отчина: «А тамо ци не наша отчина». В 1210 г. его сын Мстислав Мстиславич объяснил свой приход в Новгород тем, что ему «жаль ми своая отчины». Следовательно, новгородцы и князья считали Новгород такой же семейной княжеской вотчиной, как и другие города и земли Руси.

Особенно тесными связи Киева и Новгорода были в церковной сфере. Здесь авторитет Киева как церковной столицы Руси был непререкаем. Причем, не только на раннем этапе истории, но и в период так называемой феодальной раздробленности. Новгородские владыки, за редким исключением, избирались из местного духовенства, но их поставление на кафедру совершалось в Киеве митрополитом. Этот канонический ритуал соблюдался неукословно в XII – первые десятилетия XIII вв. Все девять новгородских владык этого периода были освящены на (архи)епископство в Софии Киевской. Как правило, перед тем, как в Киев должен был отправиться соискатель церковного стола, его кандидатура предварительно представлялась новгородским посольством.

Примечательно, что Новгород был тесно связан с Киевом не только управленческими узами, но также и духовными. Особо

София Киевская. Реконструкция первоначального вида

почитаемый новгородцами культ святой Софии был позаимствован из Киева или через Киев⁵. То же самое можно сказать и о культе святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, которые наряду со святой Софией, являлись охранителями Новгородской земли. Обе крупные битвы Александра Невского, на Неве в 1240 г. и на Чудском озере в 1242 г. были выиграны, как отмечают летописцы, благодаря поддержке святых Бориса и Глеба: «Победи я (немцев – П.Т.) помощью Божию и святой Софьи и святую мученику Бориса и Глѣба»⁶. О широком распространении в Новгороде их культа свидетельствует то, что в конце XV в. в нем было три Борисоглебских храма и пять приделов в других храмах⁷. Первый из них был возведен в 1146 г.⁸ Киевским по происхождению исследователи считают также культ святого Климента, засвидетельствованный в Новгороде одноименной церковью⁹. Известно, что мощи св. Климента находились в Киеве, в Десятинной церкви.

В том, что Киев традиционно пытался удержать в сфере своего влияния Новгород нет ничего необычного. Но, оказывается, что и Новгород не оставался индифферентен к тому, что происходило в Киеве и Южной Руси. В Новгородской летописи сохранился целый ряд сведений об участии новгородцев в южнорусских событиях. Может, наиболее показательной является речь посадника Твердислава, произнесенная им в 1214 г. на вече новгородцев, засомневавшихся под Смоленском в целесообразности продолжения похода в Южную Русь. В ней он мотивировал необходимость участия новгородцев в решении судьбы киевского стола тем, что так поступали их отцы и деды. «Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидимъ по своемъ князи»¹⁰. Слова Твердислава возымели свое действие, и новгородцы поспешили присоединиться к своему князю Мстиславу Мстиславичу. В сражении под Вышгородом они одержали победу над дружинами Всеволода Чермного и посадили вместо него на киевском столе представителя рода Мономаховичей Мстислава Романовича.

⁵ Мейендорф И.Ф. Тема «Премудрости» в восточноевропейской культуре и ее наследие // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988. – С. 244–252.

⁶ НПЛ. – С. 292, 296.

⁷ Водов В. Первые новгородские святыни и святые (до начала XV века) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. – М., 1999. – С. 383.

⁸ НПЛ. – С. 27.

⁹ Водов В. Первые новгородские святыни ... – С. 388.

¹⁰ НПЛ. – С. 53.

Не менее, чем письменные свидетельства о связях Киева и Новгорода в продолжении X – XIII вв., говорят археологические. Речь идет о вещах, которые находятся в культурных слоях Новгорода. Одни из них имеют киевское происхождение – шиферные пряслица, стеклянные браслеты и стеклянная посуда, «имитационные» ювелирные украшения, писанки, янтарь, другие – византийское, – амфоры, грецкие орехи, сердоликовые и хрустальные бусы и др., поступавшие в Новгород через Киев. Они не дают возможности судить об объемах торгово-экономических связей двух городов, поскольку главными товарами были зерно (из Киева) и пушнина (из Новгорода), но подтверждают их постоянный характер. Практически, до времени монголо-татарского нашествия на Русь.

Кроме названных, в книге исследуются вопросы: «вольности» новгородцев в князьях, место княжеской и посадской властей в политической системе Новгорода в XII – XIII вв., новгородские княжеские резиденции, о языке новгородцев и киевлян, традиции киевской исторической письменности в новгородском летописании XII – XIII вв., политические биографии новгородских князей, занимавших великий киевский стол в первых десятилетиях XIII в. и др.